

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 22 (58)

Большое внимание, которое привлекает судьба убежавших от российской военной службы и перешедших на территорию Пруссии черкесов, побуждает нас придать гласности для публики слушание дела, которое состоялось на основании выдвинутых против несчастных азиатских пришельцев обвинений перед здешним судом присяжных 20 числа этого месяца.

Бромберг, 21 января 1851 г.

Устное слушание дела судом присяжных в Бромберге, 20 января 1851 г.

Заседание началось в 9 часов. Вход к зданию суда был оцеплен военными. Доступ к слушанию дела был разрешен только по предъявлению карточек. Наплыв публики был огромен. В первых рядах слушательного зала можно было заметить элегантно одетых дам. После вступления в зал заседаний присяжных заседателей председатель совета апелляционного суда фон Курнатовски просит представить шестерых черкесов, которым предъявлены обвинения:

- 1) Бакмирза Нафанов
- 2) Наби Мельбахов
- 3) Шолох Гобзаков
- 4) Грандука Хапиф
- 5) Муса Эркинов
- 6) Омар Киваффов*

Присяжные заседатели были вызваны и им были даны законные наставления. Это были 33 присяжных и 2 помощника присяжных.

Обвиняемым после этого последовали 10, а прокуратуре 9 отклонений. Шестеро обвиняемых предоставили право выбора присяжных своему защитнику. Прокуратура не воспользовалась своими правами отклонения. Защитник же, напротив, отклонил 9 присяжных.

В качестве присяжных были задействованы: землевладельцы Неринг, Притч, Леонхардт, д-р Рохлиц, Фрейтаг, фон Тресков, Бом; представители земского совета Ианиш, Вицековски, Буффе, коммерсант, заводской мастер; правительственный советник Цегерт.

Помощниками присяжных были: коммерсант Гамм и землевладелец фон Виленски.

После этого был сформирован суд присяжных:

- 1) из вышеупомянутых присяжных,
- 2) из судей:
 - а) советник апелляционного суда фон Курнатовски в качестве председателя,
 - б) советник окружного суда Кёлер,
 - в) окружные судьи Хольст, Готчевски и Лах.

Прокуратура была представлена старшим прокурором Нойманном. На месте защитника сидел адвокат Вольф.

В качестве переводчиков были задействованы: ротмистр граф Симониец, лейтенант Паап и унтер-офицер Баратов, все без исключения из Варшавы, а также референдарий (стажер) Бёк и переводчик фон Боровски.

Последовало приведение к присяге присяжных. Затем были зачитаны следующие обвинения:

Обвинение против пяти черкесов

- 1) Бакмирза Нафанов
- 2) Наби Мельбахов
- 3) Шолох Гобзаков
- 4) Грандука Хапиф
- 5) Муса Эркинов

все уроженцы Кавказа и исповедуют мусульманскую религию.

Пятеро обвиняемых, по их показаниям, в сентябре 1850 г. вместе с еще пятью другими черкесами из русских гарнизонов в Сирнивице округа Ловиц убежали из русской армии, якобы из-за плохого обращения, и перешли границу с Пруссией с целью поступить здесь на службу.

Все 10 прошли через Крушиц и оттуда в сопровождении жандарма Поля 1 октября 1850 г. в полдень прибыли вер-

Эта публикация – первая в серии переводов редких европейских источников из коллекции доктора Б. Езбека (Едыдж), которую он любезно предоставил для публикации в «Ликах адыгского прошлого». Редакция выражает благодарность профессору М. К. Беданову за неизменное содействие в организации переводов значительной части книг и иных источников указанной коллекции.

отправятся в казармы в Иноврацлав, но что с ними должны будут обращаться, как с военнослужащими, хорошо. В сопровождении жандарма Поля, который был верхом на лошади, и пешего начальника окружного управления они поехали по направлению к казармам, но на дороге перед ними остановились и отказались переступить казарменный двор. Они были вооружены: у каждого было ружье, один или два пистолета, одна сабля, и обоюдоострый кинжал длиной около 1

сложить оружие и быть по-военному конвоированы, они повторно и настойчиво заявили, что они не сложат оружие и не вернуться назад в казарму.

После этого начальник окружного управления затребовал командира эскадрона 3-го драгунского полка в Иноврацлаве ротмистра фон Илова, который уже, из-за возможной тревоги, был оповещен, подошел к черкесам и велел через упомянутого переводчика еще раз призвать их сложить оружие, но получил опять тот же ответ: «Черкесы не складывают оружия».

Он велел им сказать, что он по местным законам не имеет права допускать здесь присутствия вооруженных пришельцев, и что у него есть в распоряжении эскадрон, который по его приказу применит силу. Черкесов также предупредили о том, что им нужно смириться с необходимостью, чтобы они остались друзьями, а не врагами. Но снова последовал отказ. Затем, по знаку ротмистра фон Илова, из казарменного двора вышел отряд драгунов численностью 25 человек, приведенный уже на всякий случай в готовность, с обнаженными саблями, под командованием лейтенанта фон Зоммерфельда, и встал напротив черкесов.

Черкесы, все без исключения, безо всякой команды схватили висащие у них за спиной заряженные ружья, приставив их прикладами к колену, привели в готовность, и при этом кто-то крикнул переводчику Маржински, (он думает, это был один из черкесов) по-русски: «Скажите, чтобы они ушли!». Фон Илов еще раз крикнул черкесам, чтобы они сдались, но те отступили от драгунов на расстояние, равное корпусу лошади, и построились в кривую линию так, что задние части их лошадей соприкосну-

Процесс против черкесов, перешедших из России на территорию Пруссии, обвиняемых в насильственном сопротивлении военным как представителям власти, заслушанный судом присяжных в Бромберге 20 января 1851 г.

Der Prozes gegen die aus Russland auf Preussisches Gebiet-ubergetretenen Tscherkessen wegen thatlichen Widerstandes gegen die bewaffnete Macht als Abgeordnete der Obrigkeit. Verhandelt vor dem Schwurgerichte zu Bromberg, am 20. Januar 1851.

Bromberg: L. Levit, 1851.

Из личной библиотеки Батирая Езбека (Едыдж). Перевод Л. Н. Фроловой. Редакция перевода и комментариев С. Х. Хотко.

Первые из троих прибыли сюда для этой цели по запросу местного окружного суда, они были приведены к присяге за несколько дней до этого как переводчики согласно предписанию.

Допрос обвиняемых проходил через переводчиков. Им были заданы вопросы по-немецки или по-итальянски, после чего они их переводили черкесам на черкесский или русский язык.

Все обвиняемые исповедовали ислам и родом были из Кабарды на Кавказе, Нафанов – 26, Хапиф – 30, Мельбахов – 31, трое остальных примерно 19 лет.

хом в Иноврацлав. Начальник окружного управления Фернов, к которому их привели, получил в то же время запрос командира кавказской конной дивизии** из Сирнивицы, после чего поступило ходатайство о задержании и передаче дезертиров.

Так как конвенция от 20 мая 1844 г. об обмене военнопленными, заключенная с русским правительством, все равно предписывает такого рода задержание и выдачу, то начальник окружного управления сообщил 10 черкесам, что они должны быть выданы, что они

5 фута, и шириной лезвия у рукояти 1 S дюйма. Их огнестрельное оружие было заряжено боевыми пулями, и каждый имел при себе еще 16-32 боевых патронов.

Остановившись перед казармой, начальник окружного управления вступил в переговоры с привлечением переводчика Маржински. При этом, обвиняемый Нафанов Бакмирза, который довольно неплохо владеет польским языком, говорил от имени черкесов. Они потребовали паспорта в Берлин и на довод о том, что это невозможно, они хотели самовольно вернуться назад. На требование

* Из перечисленных фамилий уверенно идентифицируются с известными в русских источниках кабардинскими фамилиями: Мельбахов – уздени Мальбаховы, Гобзаков – уздени Губжоковы (Гобжуковы). Хапиф – вероятно, Хапов. В 1831 г. упоминается «Таусултановой фамилии уздень Магомед Хапов», после своего абречества давший присягу. Нафанов – вероятно, из переселившихся в 1847 г. в Кабарду дигорцев Найфоновых. Эркинов – карачаевская фамилия Эркеновых, одна из ветвей которой обосновалась в Кабарде в конце XVIII в. Ниже по тексту упоминается Жамбот Эркинов, которого, по всей видимости, можно уверенно сопоставить с Джамботом Эркеновым, уроженцем аула Докшукина в Большой Кабарде, который в 1848 г. по суду был объявлен абреком, «лишенным всех прав состояния». Также ниже по тексту упоминается Айса Мидов. Мидовы являлись узденями 2-й степени. См.: Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: «Эльбрус», 2007. С. 111, 114, 159, 310-312, 323-325, 357, 413.

** Имеется в виду Кавказский конный Горский дивизион (Кавказский горский эскадрон, бывший Кавказский конный Горский полк, 1828-1857 гг.). В 1834 г. полк был сокращен до дивизиона. Дивизион размещался в Варшаве и был задействован в подавлении венгерского восстания 1849 г. См.: Казаков А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 352-353.

ПРОЦЕСС В БРОМБЕРГЕ

лись. Во время этого построения из казарменного двора появилось 12 драгунов в пешем порядке, вооруженных карабинами, построившихся вдоль стены казармы рядом с черкесами, но последние, чтобы драгуны не могли зайти с тыла, продолжали строиться по кривой линии в обратном направлении. Фон Илов крикнул им, чтобы они остановились, это переводили им несколько раз. Они больше не бездействовали, а уклонялись в обе стороны головами лошадей по направлению к шоссе в Бромберг. Теперь 12 пеших драгунов по команде ротмистра фон Илова произвели выстрел, чтобы воспрепятствовать побегу, причем никто не был задет, хотя у драгунов была инструкция удерживать черкесов в надлежащем порядке. Черкесы также ответили залпом. Следы пуль были обнаружены затем на стене казармы.

Черкесы стали отступать, преследуемые драгунами верхом на лошадях, которые снова стремились перехватить их. Под обстрелом черкесы стреляли на скаку назад. Неоднократно возникал поединок с применением холодного оружия и все это происходило до самого Бромбергского шоссе. При этом, одним из черкесов был заколот кинжалом драгунский унтер-офицер Люк так, что тотчас свалился мертвым на землю. Драгун Самуэльсон получил сильную рубленую рану на лбу и на правой руке, а унтер-офицер Линднер получил от другого черкеса много рубленых ран на обеих руках. Двое черкесов были в этом бою убиты, а трое: Гобзаков, Хапф и Муса Эркинов – были взяты в плен. Остальные пятеро, ушли через 1/8 мили от Иноврацлава налево, к расположенному рядом с шоссе хутору Крусцлевице, и засели во времянке для сельхозработчиков после того, как они еще раз на поле были призваны драгунами Адамски и Клуком на польском языке к сдаче, но напрасно. Из времянки продолжали звучать выстрелы и в ее направлении также велся огонь. Одним из выстрелов из этого дома был ранен в правое бедро драгун Карл Маттиас. Подросток Отто Зейдель и подмастерье Лакманн Ротштейн, которые были среди убежавших людей, получили ранения в щеку, нижнюю челюсть и колено. Затем, по команде, хутор был подожжен и сгорели все его помещения, кроме одного, куда и удалились черкесы. Прошла ночь.

На следующее утро появился вызванный отряд пехотинцев под командованием капитана фон Хиллера, который атаковал и зажег последний дом. Из дома последовало много выстрелов, одним из которых был убит на месте мушкетер Румински, а мушкетер Ротер получил легкое ранение.

После взятия дома приступом в нем были найдены двое убитых черкесов, а трое – ныне обвиняемые Нафанов, Мельбахов и Омар Киваффов – были найдены ранеными. Последний и сейчас лежит

больной. У мушкетера Румински, согласно данным судебного медицинского вскрытия трупов, пуля, обнаруженная в теле, прошла через левую половину груди, задела сердце и диафрагму. Это ранение, по заключению судебных врачей – доктора Вильсцевски, являющегося окружным врачом, и окружного хирурга Науке из Иноврацлава – было смертельным.

При осмотре трупа унтер-офицера Люка полковым врачом доктором Трюшtedжем из Бромберга и врачом-ассистентом доктором Хофманном из Иноврацлава в правой подмышечной впадине была обследована колотая рана длиной 1 1/2 дюйма, нанесенная кинжалом или схожим оружием. По ее направлению вовнутрь они

Карла Рота выходит, что тот черкес, который заколот унтер-офицера Люка, сразу же после этого тоже был заколот; то же самое утверждает драгун Самуэльсон, что черкеса, ранившего его, нет больше в живых, а подсудимые Нафанов и Мельбахов утверждают, что выстрел, убивший мушкетера Румински, был произведен черкесом Магометом Пасмановым, которого тоже уже нет в живых.

Все без исключения подсудимые должны, тем не менее, рассматриваться как участники совместного действия, наказуемого в соответствии с §73 и, по меньшей мере, §71 и §72 уголовного права, как сообщники в процессе убийств и нанесения ранений.

устного слушания, для этого доставить сюда пятерых обвиняемых, а в качестве экспертов и свидетелей вызвать начальника окружного управления Фернова, переводчика Иоганна Маржински, управляющего имением Густава Реске, драгуна Карла Кобса, драгуна Юлиуса Самуэльсона, драгунского унтер-офицера Густава Линднера, драгуна Адама Адамски, драгуна Готлиба Клука, драгуна Карла Матиаса, подростка Отто Зейделя, подмастерья Зюссманна Ротштейна, гончара Карла Фелитца, окружного врача доктора Вильжевски, окружного военного лекаря Науке, врача-ассистента Хофманна – все они из Иноврацлава, а также полкового врача из Бромберга доктора Трюшtedжа.

Показания ротмистра фон Илова и капитана фон Хиллера, а также показания тех военнослужащих, которые были вызваны для ареста черкесов, оглашены в судебном заседании.

Так как все подсудимые, кроме Бакмирзы Нафанова, говорили только по-черкесски, то приходится привлечь двух квалифицированных переводчиков, которые, если не переводят сразу с черкесского на немецкий, то в состоянии переводить с черкесского на польский.

Поэтому я предлагаю в заключение: в ближайшем будущем принять надлежащие меры для привлечения таких переводчиков путем официального запроса русских ведомств.

Кинжал, который в суде Иноврацлава хранится как вещественное доказательство, должен быть затребован для открытого слушания.

Против Омара Киваффова должно быть выдвинуто обвинение.

Бромберг, 26 ноября 1850 г., главный прокурор Нойманн.

Учитывая, что по официальному заявлению королевского начальника окружного управления здесь же от 2 октября сего года, а также по показаниям ротмистра фон Илова, надзирателя Реске и переводчика Маржински, 10 черкесов, бежавших сюда из Польши – Шолох Гобзаков, Бакмирза Нафанов, Муса Эркинов, Омар Киваффов, Наби Мельбахов, Грандука Хапф, Айса Мидов, Жамбот Эркинов, Мухамед Пасманов – после многократного призыва начальника окружного управления и ротмистра фон Илова проследовать в казарменный двор и сложить оружие, они, согласно показаниям фон Хиллера, подмастерья-сапожника Ротштейна, драгунов Самуэльсона, Маттиаса, окружного фельдфебеля Готшала, унтер-офицера Линднера, больничного служителя Имберя, столяра Филитца, медника Вильма и Отто Зейделя, тотчас извлекли из чехлов свои заряженные ружья и удерживали военных на расстоянии выстрела. Когда военные приблизились к ним с целью их обезоружить и после того, как военные выстрелили в них, черкесы, убегая под выстрелами, оказали сопротивление, применив свое рубящее

и колющее оружие. После того, как трое из них были взяты в плен, а двое других убиты, остальные пятеро бросились к зданию хутора Крусцлевице и сами, в свою очередь, стреляли в военных. Учитывая, далее, что при этом унтер-офицер Люк был заколот одним из черкесов, драгуны Маттиас и Самуэльсон, унтер-офицер Линднер, юноша Отто Зейдель и подмастерье Зюссманн Ротштейн, а также мушкетер Ротер были ранены, и, что рана Румински была абсолютно смертельной, ранения Маттиаса, Самуэльсона и Зейделя тяжелыми, ранения остальных – легкими, как подтверждают упомянутые врачи, данное дело следует рассматривать как особо тяжкое преступление, повлекшее убийства и ранения.

Первое отделение королевского окружного суда в Иноврацлаве, постоянная комиссия по уголовным делам на заседании от 12 ноября 1850 г. постановили:

1) пятерым черкесам: Бакмирзе Нафанову, Наби Мельбахову, Шолоху Гобзакову, Грандуке Хапфу и Мусе Эркинову предъявить обвинение в оказании вооруженного сопротивления военным, как представителям власти и в причастности в произошедшем при этом убийстве прусских военнослужащих и гражданских лиц, на основании §§ 166, 71-73, 806 и 797 уголовного права.

2) по причине того, что черкес Омар Киваффов еще болен, решение до тех пор оставить без исполнения, пока он будет способен быть допрошенным по делу.

Иноврацлав, 12 ноября 1850 г., Королевский окружной суд, постоянная комиссия по уголовным делам.

Штёфазиус, Руэ, Вильд
От имени императора:

В следственном деле против Гобзакова и его товарищей судебная коллегия по уголовным делам королевского апелляционного суда в Бромберге на своем заседании от 21 ноября, в котором принимали участие:

1) директор апелляционного суда фон Кисслинг;
2) советник апелляционного суда фон Курнатовски;
3) советник апелляционного суда фон Хиршфельд;
4) советник апелляционного суда фон Бётхер;
5) советник апелляционного суда фон Летов,

после ознакомления с актами и заслушивания речи главного прокурора постановила, что по причинам, сформулированным в заявлении главного прокурора от 7 октября 1850 г., пятерым черкесам: Бакмирзе Нафанову, Наби Мельбахову, Шолоху Гобзакову, Грандуке Хапфу и Мусе Эркинову из-за оказания вооруженного сопротивления военным, как представителям власти и из-за причастности в произошедших при этом среди военных и присутствующих гражданских лиц убийствах и ранениях по §§166, 73, 71, 72 и 806 и 797 уголовного права предъявить окончательное обвинение, а дело передать в местный суд присяжных.

Опубликовано

Черкес царского эскорта.
Из коллекции Б. Езбека (Едыдж)

смогли заключить, что были задеты крупные кровеносные сосуды в грудной полости, и из-за этого смерть наступила мгновенно.

Ранения драгунов Самуэльсона и Маттиаса, по заключению врача-ассистента Хофманна, и ранения Отто Зейделя, по заключению хирурга Науке, таковы, что могли бы повлечь за собой значительный ущерб здоровью и конечностям раненых. Остальные ранения имеют легкую форму.

Кто именно из выживших пяти черкесов причастен к нанесению этих смертельных ранений, из-за суматохи боя установить не удалось.

Согласно вполне правдоподобным показаниям драгуна

И так как их активное сопротивление задержанию ясно представлено, то им предъявлено окончательное обвинение решениями королевского окружного суда в Иноврацлаве и королевского апелляционного суда здесь же от 12 и 21 ноября этого года в оказании насильственного сопротивления вооруженным силам, как представителям власти, и в участии в происшедших при этом убийствах и ранениях военных и гражданских лиц согласно §§ 166, 73, 71, 72, 806 и 797 уголовного права.

Это дело было передано в местный суд присяжных.

Предъявлено ходатайство: при привлечении присяжных назначить срок для открытого

ПРОЦЕСС В БРОМБЕРГЕ

фон Кисслинг, фон Курнатовски, Хиршфельд, Бётхер, фон Летов.

Приложение
к обвинению против задержанных в Иноврацлаве черкесов, а именно:

Обвинение
против черкеса Омара Киваффова, 19 лет, мусульманского вероисповедания, уроженца Кабарды.

Упомянутый уже в обвинении от 28 ноября 1850 г. Омар Киваффов, который в данный момент в основном излечился от своих ран, находится в совершенно одинаковых правовых условиях вместе с остальными подсудимыми. Он был среди упомянутых выше 10 черкесов, имел на вооружении ружьё, пистолет, саблю и кинжал, 20 боевых патронов, его огнестрельное оружие было заряжено. Он также ответил отказом на требование начальника окружного управления Фернова и ротмистра фон Илова, переведенное ему Бакмирзой Нафановым, что они должны отправиться в казарму и сложить оружие. Как и другие, он привёл своё ружьё в готовность, когда команда драгунов расположилась напротив черкесов; также и он стрелял на скаку назад, и он вместе с другими ушел к хутору Крусцлевице, где он был ранен, как уже упомянуто, после захвата последнего дома. Также касательно его не установлено, что он специально нанес удар по преследующим их военным или произвел такой выстрел, который привел к смерти или ранению; но ему, ввиду его явного соучастия в тех же преступлениях, как и остальным предъявлено обвинение решением королевского окружного суда от 8 января и королевского апелляционного суда от 11 января сего года.

Было заявлено ходатайство: Также в отношении его допустить в уже назначенный срок 20 числа этого месяца устное открытое следственное дело.

Против него, как и против других, делается ссылка на те же доказательства. Бромберг, 12 января 1851 г. Прокурор Нойманн.

Согласно этому ходатайству, было предъявлено обвинение Омару Киваффову вышеназванными судами. Приступили к специальному допросу подсудимых. Все в один голос заявили, что они из Скирнивицы округа Ловиц, где у них гарнизон, откуда они сбежали, чтобы здесь в Пруссии поступить на военную службу. У Крушвица они перешли границу и один жандарм отвел их в Иноврацлав. Здесь они должны были отправиться в казарму, но они отказались это сделать, потому что им был обещан постой на квартире начальника окружного управления; в казарме они заметили военных, с ними они не хотели иметь квартирного расположения; то, что от них потребовали сложить оружие, они не поняли. Бакмирза Нафанов признается, что переводчик что-то сказал ему по-польски, где прозвучало слово «bron», которое по-немецки оз-

начает «оружие», но смысла он не понял. Все, без исключения, подсудимые отрицали свою виновность, заявив, что они бы не сложили оружие. Они поняли, что ротмистр хотел их принудить войти в казарменный двор, чтобы там конфисковать у них оружие, и после этого они заявили, что не сложат оружие, потому что это противоречит их религии.

В этом месте переводчики объяснили: «У мусульман обычай перед врагом не складывать оружие, напротив, у горских народов, к которым принадлежали подсудимые, строгий обычай вообще не снимать оружие; только их единственный непосредственный начальник может расставаться с оружием.

По распоряжению защитника господин граф Симониец на вопрос о том, что если бы он в России взял бы в плен черкесов, отвечает, что он бы им оставил оружие.

Затем подсудимые высказывали свои возражения: «То, что сказал им ротмистр на казарменном дворе, они не поняли. Когда драгуны их окружили, то они безо всякой команды сняли с плеча свои ружья и приложили к колену приклады, но никто не взвел курок. Крик «Стойте!» они не услышали и ротмистра вдалеке тоже не заметили. После того, как драгуны дали залп в их сторону, при этом ни в кого из них не попали, но была убита лошадь Омара Киваффова (далее вносятся поправки, что убитая выстрелами лошадь была подручной), они обратились в бегство и были преследуемы драгунами. Они все стреляли из ружей в сторону гнавшихся за ними драгунов, тогда как на казарменном дворе они не отвечали на выстрелы. Кто из них во время бегства имел пистолет с драгунами, они не знают, но такие поединки были. То, что один унтер-офицер был заколот кинжалом, они не заметили; с их стороны этого не было.

На поле, где произошло столкновение, двое драгун с ними не разговаривали — по крайней мере, они этого не знают. После того, как они отошли назад в хуторские дома, никто из них в этот день в драгун больше не стрелял. Жамбот Эркинов утром находился на чердаке дома, другие в нижних помещениях, а именно: Бакмирза Нафанов и Мухамед Пасманов, Гобзаков, Хапуф и Эркинов были схвачены и доставлены в город. То, что один унтер-офицер из прусских военных был убит, никто не заметил. Оставшиеся из них на хуторе стреляли в то утро из окна не целясь. Они оборонялись, пока их не одолели. Мушкетера Жамбот Эркинов расстрелял из чердака дома. Мухамед Пасманов, который так же как и Жамбот Эркинов, остался в доме, днем ранил одного драгуна выстрелом из ружья; был ли кто еще задет этим выстрелом, они не знают.

По распоряжению защитника они объясняют: им ничего не стоило сразить многих драгунов, особенно у хутора, однако они не хотели проливать кровь, а Бакмирза Нафанов их

даже просил никого не убивать.

На вопрос, признают ли они свою вину, подсудимые ответили: мы сказали правду и не можем сами расценивать свою виновность или невиновность по незнанию нами законов этой страны.

На вопрос, условились ли они о применении насилия и о совместной защите, — они отвечали, что они не поняли смысл этого вопроса; они, когда они покинули Скирнивицу, поклялись не покидать и защищать друг друга. Они продолжают утверждать, что они стреляли все, но у них не было намерения убивать.

На вопрос, не отрицают ли они того, что своим сопротивлением и совместными действиями привели к нанесению ранений и совершению убийств или облегчили их совершение своим соучастием — они ответили, что не знают, как это расценивать.

Далее приступили к судебному следствию. Свидетели из числа военнослужащих, за исключением капитана фон Хиллера, не появились. Допрос появившихся свидетелей представлял небольшой интерес. Они подтвердили, в сущности, то, что содержалось в обвинении. Начальник окружного управления фон Фернов, до этого еще не допрошенный, главным образом заявил, что он не знает, поняли ли черкесы требование о сложении оружия, но полагал, что мог заключить об этом из выражения их лиц. Переводчик Маржински, напротив, объяснил, что он разговаривал с черкесами частично по-польски, и поэтому считает, что они требование о сложении оружия главным образом поняли хорошо.

Последовавшая между ним и подсудимыми очная ставка ничего не проявила. Показания не явившихся, но ранее допрошенных свидетелей были зачитаны. В них не содержалось ничего отличного от того, что уже содержалось в обвинении.

Драгуны Кобс и Самуэльсон подтвердили, что погибшие прусские военнослужащие были убиты черкесами, которые тоже погибли. В заключении представления и оценки доказательств по требованию защитника были зачитаны еще два документа: первым было письмо флангового адъютанта его императорского величества графа фон Мюнстера, который в настоящее время пребывал при дворе императора в Петербурге, адресованное прусскому военному министру фон Штокхаузеру, в конце которого говорится: «Весь этот печальный случай, о котором Его Величество император очень сожалеет, кроется отчасти в возбудимости и трудности при обращении с этими полудикими солдатами, отчасти он был вызван их нравами и обычаями, соблюдая которые они имеют обыкновение не расставаться со своим оружием, а его отдачу они рассматривают как великое бесчестие».

Второй документ — письмо директора окружного суда Штефазиуса в Иноврацлаве,

где черкесы находились под следствием, к защитнику обвиняемых такого содержания:

Ваше высочордие, как я слышал, Вы будете вести защиту несчастных кавказцев перед судом присяжных. Я убежден, что с моей стороны не требуется рекомендаций по делу этих подсудимых, но, вместе с тем, считаю своим долгом изложить свою точку зрения. В качестве причины их бегства они указали, что их капитан обращался с ними несправедливо и сурово, и что их жалоба на это осталась неучтенной. Как свободные черкесы и как владельцы своего оружия и лошадей они посчитали себя вправе сделать такой шаг. Руководствуясь собственными представлениями о справедливости, они пересекли прусскую границу безо всякого злого умысла и почувствовали себя в безопасности. Их намерением было предложить непосредственно королю свои услуги. То, что им дали понять, что они должны быть разоружены и выданы, они из-за незнания немецкого языка и наших законов не поняли. На обдумывание им почти не было предоставлено времени. Когда в них начали стрелять, они механически стали отстреливаться, затем пустились в бегство и защищали свою жизнь как могли. Согласно своим убеждениям, они применяли необходимую самозащиту, но при этом они хотели действовать щадяще и никого не хотели убивать намеренно; между тем, как им было нетрудно уложить выстрелами из хуторского дома гораздо большее число нападающих.

То, что они в течение своего 15-недельного пребывания здесь под арестом вели себя образцово, выносили свою тяжелую участь с огромным терпением и смирением, а своей порядочностью, любовью к порядку и скромностью, а также открытым характером снискали уважение всех тех, кто общался с ними, я могу подтвердить с чистой совестью и от чистого сердца.

Затем прокурор берет слово, чтобы задать вопросы о происшествии и заявляет следующее: Обвиняемые вызывают у него большую жалость, однако надо учитывать силу закона. Они виновны в преступлении, упомянутом в обвинительных документах. Учитывая §10 и 11 уголовного права, следует, прежде всего, принять то, что подсудимые, даже если они иностранцы, подчиняются прусским законам; процесс, возбужденный властями против них, законно обоснован. Русские военные, согласно картельным законам, т.е. законам об обмене военнопленными, от 20 мая 1844 г., после их перехода через границу, были бы сразу обезоружены, и их снова должны были бы отправить назад. Они решительно воспротивились разоружению. Примененное вооруженное вмешательство было поэтому полностью обоснованным. Конечно, не доказано, что убийства и ранения исходили от одного из них, между тем они, очевидно, способствовали совершению этих преступлений

своими совместными действиями. Последнее определенно можно заключить только из того, что был сговор для совершения этих преступлений. На этом основании прокурор потребовал признать их виновными. Затем было дано слово защитнику обвиняемых, и он сказал следующее:

Господа! В предпоследний раз на этом заседании вы должны вынести вердикт. Перед Вашим внутренним взором появляются все те же образы, которых касается Ваше решение. С грустью вы узнавали о злых и пагубных страстях, которые являются источником преступлений. Как отличается от них сегодняшний случай. Здесь Вы не видите никаких порочных стремлений в качестве действующих факторов, здесь Вы должны судить о действиях, которые не имели злого умысла, только злополучное стечение обстоятельств привело к совершению преступлений. И в то время, как зачинщики являються поданными одной страны, которая любит называться цивилизованной и интеллигентной, то кто же здесь те, которых цивилизация хочет заклеймить как преступников? Сыны Азии, которые вместе с черкесами, лезгинами, убыхами, и как они еще иначе называются, образуют удивительный сплав народов кавказского мирового оплота, который своей героической обороной против превосходства могущественного завоевателя вызвал восхищение всей Европы; тот сильный род, который, хотя в сравнении с огромным царством исчезает как в море песок, все же является единственным, кто еще и сегодня продолжает защищаться от когтей двуглавого орла. Господа, Вы знаете, что черкесы являются кавказским горским народом, который населяет территорию от Кубани до реки Бу недалеко от Гагр. Состоя из князей, пши, аристократов, свободных людей — узденей, и крепостных, они все исповедуют ислам. Будучи гостеприимными, свободолюбивыми, они мужественны и бесстрашны; по словам Уркварта, они единственный народ от Атлантического до Индийского океанов, который готов отомстить за обиду и отвести угрозу, исходящую от царя. «Каким бы было впечатление, — сказал этот знаменитый путешественник во время праздничного обеда, устроенного жителями Глазго в его честь в 1838 г., — если бы один представитель этого народа стоял перед вами, один из представителей страны Кавказа, хранителей вашего индийского царства, хорошего и крепкого телосложения, с орлиным взором, быстрой и ловкостью серны, упорным мужеством сына гор, обаятельный, как светский человек, и все же простой как ребенок. Невозможно выразить словами то восхищение, искреннюю симпатию, которую этот народ вызывает у меня».

И эти шестеро мужчин, которых Вы, господа, видите на скамье подсудимых, являются отпрысками этого народа. Они все относятся к классу уз-

ПРОЦЕСС В БРОМБЕРГЕ

деней, из которого вышли те храбрые знаменитые герои как Мансур, Шамуз, Джамбулат и, прежде всего, Гуз-Бег, «лев Кавказа», о которых поют и рассказывают предания черкесские барды.

Это было в 1849 г., когда в аулах Черкесии раздался призыв русского императора принять участие в войне против Венгрии. Подсудимые услышали его. Как свободные черкесские аристократы последовали они за этим призывом к войне против свободы. Добровольно вступили они в русскую армию. Только на время, пока длится война, одолжили они императору свои руки и оружие. Свободный договор, свободное соглашение, а не принуждение к рекрутскому набору были теми обязательствами, которые удерживали их в русской армии. Но договор был нарушен. Война в Венгрии была закончена, но черкесов не отпустили, их продолжали удерживать в полку. Более того! Одному из них капитан его полка нанес оскорбление с применением физической силы. Заметьте, что это означает! Дикий сын Черкесии, который всякое оскорбление заставляет противника искупать кровью, побит. Но оковы железной дисциплины охватывают его. Он обращается с жалобой к своему военачальнику. Мир огромен, а царь далеко. Может совершить побег? Но путь в тысячи миль от их гарнизона до гор Кавказа проходит через Российскую империю. Тут они слышали о Пруссии, там, говорят они со своей детской наивностью «хорошие люди и хороший император». Ему они хотят служить и посвятить свою жизнь. Они дали о себе знать в полицейском ведомстве в Крушвице. В сопровождении одного единственного жандарма они прибыли в Иноврацлав.

Они требуют выдать им паспорта в Берлин, им отказывают в этом, их хотят доставить в казарму, от них требуют сдать оружие; и все говорится на языке, которого они не понимают. Остальное, господа, Вы знаете.

Несчастные кавказцы, таким образом, познакомились с «хорошими людьми в Пруссии». Будучи приверженцами ислама, они искали защиты и утешения у последователей Христа. Но они столкнулись только с ненавистью и враждебностью. Доверчиво раскрыли они свои объятия, чтобы найти место в пастве христиан; но вместо гостеприимного живительного напитка им подали смертельный свинец, вместо трубки мира на них направили карабины, а заповедь христианской любви, которой проникнуты хорошие люди в Пруссии, как они считали, окружила их в виде пуль и патронов, чтобы загнать их в сердце доверчивых и ничего не подозревающих гостей.

Какое чувство стыда и унижения должно придавить нас к земле, когда история напоминает нам о том великом, бессмертном акте милосердия, который за год до этих событий совершил приверженец ислама по отношению к приверженцам Христа.

Когда свобода 1848 г. испустила свое последнее дыхание, когда ее последний бастион —

Венгрия — пал, а великий агитатор* с остатками своей армии нашел спасение на турецкой земле, то именно султан Абдул-Меджид гостеприимно принял их и предоставил им убежище и защиту. Как бы держа Восток ни грозила, какие бы губительные молнии она не метала, повелитель правоверных оставался непоколебимым. Его вера требовала от него осуществлять святое право гостеприимства, защищать преследуемого гостя. И эту веру он ставил выше судьбы своей империи.

Так поступил приверженец ислама по отношению к христианам, а как здесь христиане поступили с мусульманами? Более того! Вы знаете, что против этих десяти несчастных были мобилизованы эскадрон кавалерии и пехотная рота, что их преследовали мечом и пулями, что их травили как диких животных, что здание, где они нашли убежище, подожгли, чтобы выкурить их как шершней. А когда их перед лицом этих деяний подхлестнули нужда и отчаяние, они схватились за ружья, шашки и кинжалы, чтобы защищать свою жизнь; когда в суматохе боя некоторые из их преследователей пали, а другие были ранены, то их хотят сделать ответственными за эти деяния, на жертвы варварского действия хотят наложить клеймо преступников.

Сейчас я перехожу непосредственно к обвинению.

Мои подзащитные наказаны за насильственное сопротивление, оказанное вооруженным войскам как представителям власти, и за причастность к убийствам и нанесению ранений военным и гражданским лицам. Я буду иметь честь, господа, доказать, что:

1) обвиняемые не могут находиться по прусскими законами уголовного права, что они, 2) сверх того, невиновны в оказании сопротивления, которое им ставят в вину, и что, более того, нападение на них со стороны военных было незаконным и необоснованным, что 3) последовавшие при этом убийства и ранения были совершены не ими и, более того, они не наказуемы, потому что они произошли в состоянии самообороны.

Закон определяет в § 11, 12, 13 уголовного права:

а) в других случаях строгость соблюдения законов касается только того, кто обязан или в состоянии знать уголовное право.

б) не только подданные, но и также иностранные граждане, которые пребывают в пределах страны, обязаны осведом-

иться о законах этой страны. в) подобным образом, иностранные граждане, которые совершают преступление в пределах страны, наказываются за это по законам этой страны.

Прежде всего, ясно, что эти пункты закона находятся между собой в очень тесной связи. Но отсюда следует, что не каждый иностранный гражданин без различия, а только тот, кто согласно §12 пребывает на территории страны, и обязан осведомиться о законах, или также согласно §11 обязан или в состоянии знать их, будет подчиняться строгости закона. Выражение «пребывать» предполагает, очевидно, длительное или обычное пребывание или путешествие проездом. Это следует из выражения «подобным образом» из §13. Такая формулировка, иначе, могла бы быть явно излишней, но это бы повлекло за собой нелепые последствия. Иностранец, который едва пересек границу, был бы уравнен в правах с гражданами этой страны, для которых закон опубликован в надлежащем порядке.

Из сказанного следует, что прусские законы распространяются на иностранцев только тогда, когда они

1) продолжительное время находятся в стране,

2) в состоянии знать законы, т.е. знают язык, на котором они написаны.

Теперь Вы знаете, господа, что наши черкесы после их перехода из России едва ли один день пробыли на территории Пруссии и совсем не умели говорить по-немецки, и лишь один из них в недостаточной степени знает польский и едва может изъясняться. Подумайте господа, что такое определение нашего свода законов явно имеет в поле зрения иностранцев, прибывших из цивилизованных стран.

Но как можно было хотеть втиснуть в параграфы свода законов действия мужчин, которые сам император называет полудикими солдатами, которые не знают закона кроме своего дикого необузданного стремления к независимости, высший закон которого кровная месть!

Черкесы и параграфы законов страны! Возможно ли более резкое и ироничное противоречие? Действия черкесов, поэтому не подчиняются прусским законам уголовного права. Если это так, то против них нет никаких обвинений в преступлении, так как таковое не существует без закона, который примеряет к определенному действию понятие преступления. Если нет преступления налицо, то обвинение, основанное на предвзятом толковании права, несостоятельно.

Тем не менее, защита должна быть подготовлена к худшему случаю. Я намерен показать, что мои подзащитные не виновны в преступлениях, в которых их обвиняют.

§ 166 уголовного кодекса гласит:

Кто окажет насильственное сопротивление своим властям при исполнении служебных обязанностей или их представителям при исполнении их приказов, тот за сопротивление и приложенное при этом насилие дол-

жен понести наказание в виде заключения в каторжную тюрьму или крепость сроком от 2-х месяцев до 2-х лет.

Итак, к фактам этого преступления относятся:

1) власти государства, 2) приказ, который они должны привести в исполнение по отношению к третьему лицу; 3) насильственное сопротивление, которое оказывается лицу, уполномоченному от третьего лица для выполнения (приказа).

Вы знаете, господа, что черкесы, после их прибытия в Иноврацлав, требовали от начальника окружного ведомства паспорта для следования в Берлин, что начальник окружного управления отказался это сделать и сообщил им, что он на основе законных предписаний должен не только конфисковать у них оружие, но и также приказать отправить их обратно в Россию. Закон, от имени которого он действовал, является известной картельной конвенцией по обмену военнопленными от 20 мая 1844 г.

Господа! Это есть признанное международно-правовое правило, что одно государство выдает другому только действительных преступников, т.е. таких лиц, которые совершили поступки, являющиеся уже по закону всеобщего правового, здравого смысла не только правонарушением чисто политических законов. Этот принцип, поэтому, относится особенно к тем, кто сбежал от военной службы по ту сторону границы. Так как обязанность нести воинскую службу и службу в народном ополчении имеет чисто политический характер, часто несправедливый, то она зиждется на деспотических законах. Они появляются, теряют силу, как только общественные связи рвутся эмиграцией, в данном случае бегством. Эти естественные, разумные правовые принципы в картельной конвенции совершенно опущены.

Приводя во вступление слова «Во имя святой и неделимой троицы», создавая себе самой вокруг лба ореол святости, она скрывает в себе самые суровые стремления, доходящие в своих последствиях до жестокости. Она предписывает именно выдачу дезертиров, военнопленных и допустимость выдворения каждого подданного Российской империи, явившегося в наше государство непринятым гостем. Это определение, на практике, было так распространено, что никто из России не мог оставаться в Пруссии, если не имел разрешения административных учреждений. Вы знаете, что этот закон есть темная пропасть, откуда вышли все те злополучные события, о которых мы глубоко сожалеем. В задачу защиты не может входить освещение политической стороны закона. Но перед лицом этого ужасного фактора нужно констатировать, что он оказывает пагубное, деморализующее влияние на всех тех лиц, которые сталкиваются с применением этого закона с нашей стороны. Угрожающе поднимаются из своих склепов маны — души умерших предков тех несчастных, которые стали жертвами этого закона. Я упомяну только о двух

случаях, которые у нас всех еще живы в памяти. Вы знаете, что несколько лет назад многие русские военнообязанные, когда их должны были отправить назад в Россию, прыгнули в Торне с моста через Вислу в поток, и что такой же беглец вырвал из рук жандарма, сопровождающего его на постоялом дворе в Иноврацлаве, оружие, бросился в комнату и прострелил себе голову. Несчастные предпочли смерть возвращению в Россию.

Закон должен быть двусторонним, его называют договором об обмене военнопленными (картельный договор), который должен давать преимущества каждой договаривающейся стороне, но еще никогда дипломатический акт не вредил в такой степени интересам нашей страны. Общеизвестно, что еще ни разу не констатирован случай, когда условия другой стороны показались бы военному с этой стороны достаточно заманчивыми, чтобы оставить прусские флаги и убежать под крылышко двуглавого орла. Этот закон, разумеется, вменяет административным учреждениям нашей страны в обязанность русских военных, сразу же после пересечения границы, отправлять обратно. Но, господа присяжные, защита придерживается мнения, что чиновник должен быть не рабом закона, а его интерпретатором, что он должен решать, не исходя из мертвых букв, а понимать закон в связи с жизнью, международно-правовым смыслом, с учетом различных обстоятельств. Ведомство начальника окружного управления потребовало от черкесов сдать оружие, но они сами уже осознали, что это для любого черкеса означает огромное бесчестие. Наш почтенный гость, граф фон Симонице, вам далее подтвердил, что только вождю предоставляется право забирать у своих вассалов оружие, и что он сам, если бы ему — графу фон Симонице — было поручено догнать беглых черкесов, не обезоружил бы их во время захвата. Жить и умереть с оружием в руках — не только нрав и обычай у черкесов, нет, это религиозная догма. Вы требуете у них оружие, а вам следовало бы знать, что вы отнимаете у них их жизнь, их честь. Черкес и его оружие есть одно целое — оно его душа, его мысли, оно для него все. Взять его у него, значит, убить его. Защищаться до последней капли крови есть заповедь Аллаха и ее он ставит выше, чем все человеческие уставы. Мы вправе предположить, что представитель ведомства начальника окружного управления достаточно был осведомлен с культурными отношениями у других народов, и тот догмат веры мог быть ему знаком. Как бы там ни было, требование начальника окружного управления сдать оружие было вмешательством в свободу совести, но такого конституция не потерпит не только против своих граждан, но и против иностранцев. Приказ поэтому был неправомерным.

(Продолжение читайте в следующем выпуске)

** Имеется в виду Лайош Кошут (венг. Kossuth Lajos, 1802 — 1894) — выдающийся венгерский государственный деятель, премьер-министр и правитель-президент Венгрии в период Венгерской революции 1848—1849 гг. После поражения революционных сил, Кошут с отрядом в 5 тысяч человек эмигрировал в Турцию, где некоторое время жил на берегу Мраморного моря. Австрийское и русское правительства требовали его выдачи, но султан ответил, что религиозный долг запрещает выдать гостя. См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кошут,_Лайош*